

М.М. Раевская

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА: МЫСЛИ О ЯЗЫКЕ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mraevskaya@gmail.com*

Аннотация: В фокусе исследования находятся работы Х. Ортеги-и-Гассета, в которых испанский философ предлагает новое видение лингвистики с точки зрения антропологии, дискурсологии и философии, впервые последовательно изложенное им в 1938 г. В библиографии Ортеги можно найти статьи, в которых он развивает актуальные для филологической науки идеи, возражая Соссюру и критикуя структурализм как доминировавшую в то время исследовательскую парадигму. Предметом исследования выступают размышления Х. Ортеги-и-Гассета о природе языка и речи, оформленные в виде концепций, получивших название *Новой лингвистики* и *Теории высказывания*, а также отдельные идеи автора касательно новых подходов к изучению филологии (*Новая филология*) и грамматики (*Новая грамматика*), в которых испанский философ рассматривает динамическую природу языка и речи в ее проекции на отправителя и обосновывает необходимость учета коммуникативного намерения и контекста, тем самым предвосхитив научные изыскания крупнейших лингвистов-основоположников теории речевых актов и дискурс-анализа Дж. Остина, Дж. Серля и Т. Ван Дейка. В статье предпринята попытка систематизировать основные положения, выдвигаемые Х. Ортегой-и-Гассетом и релевантные для таких разделов современного языкознания, как *прагматика* и *лингвистика текста*.

Ключевые слова: Хосе Ортега-и-Гассет; философия языка; лингвопрагматика; новая лингвистика; теория высказывания

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-13

Для цитирования: Раевская М.М. Творческое наследие Хосе Ортеги-и-Гассета: мысли о языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 3. С. 170–184.

Крупнейший европейский испанский мыслитель XX в. Хосе Ортега-и-Гассет (José Ortega-y-Gasset) (1883–1955) оставил богатейшее философско-историческое наследие, в котором нашлось место

Раевская Марина Михайловна — доктор филологических наук, профессор, ведущая кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mraevskaya@gmail.com.

© Раевская М.М., 2024

не только для философских идей, но и для размышлений о языке. Исследователи его творчества (Cruz Cruz J., 1975; San Martín R., 1998; López Folgado V., 2002; García Agustín O., 2004; Ordonez López P., 2013; Miranda Bascopé Ch., 2022; В.А. Иовенко, 2017) отмечают, что в обширной библиографии Ортеги можно найти работы, в которых автор развивает актуальные для современного состояния науки идеи, полностью применимые в том числе и к научным изысканиям в области культурологии, антропологии и лингвистики. В частности, для филологических наук наиболее релевантными являются такие труды испанского философа, как “El hombre y la gente” (1957), включающий материалы лекций “El decir de la gente: la lengua. Hacia una nueva lingüística”, и “Miseria y esplendor de la traducción” (1937), в которых Ортега рассматривает проблемы перевода как особого литературного жанра и предлагает социальное измерение лингвистики, одновременно критикуя структурализм, бывший в то время доминирующей исследовательской парадигмой. Кроме того, отдельные идеи относительно проблемы соотношения языка и речи можно найти в таких работах, как “Comentario al banquete de Platón” (1946), “Del Imperio romano” (1940), “Origen y epílogo de la filosofía” (1953), “Pasado y porvenir para el hombre actual” (1951–1954), “Velázquez” (1947).

Х. Крус Крус [Cruz Cruz, 1975] пишет о том, что одна из глав, которую Х. Ортега-и-Гассет планировал вставить в свою книгу “Aurora de la Razón Histórica”, должна была называться «Начала новой филологии»¹. Ссылки на это философ оставил в ряде своих работ (El hombre y la gente, Comentario al banquete de Platón), поэтому его основные идеи можно реконструировать. В частности, Ортега убежден в новизне своего подхода, который он собирался представить в задуманной им «Аксиоматике новой филологии»²: *Новая филология* должна иметь «смелость изучать язык во всей его полноте, каким он является в реальной жизни, а не как ампутированный из целостной фигуры фрагмент»: “...el valor de estudiar el lenguaje en su íntegra realidad, tal y como es cuando es efectivo, viviente decir y no como fragmento que ha sido amputado a su completa figura”³.

В своей теории Ортега-и-Гассет следует в русле дискурсологии, во многом предворяя основные ее положения. В своих лекциях, прочитанных в 1949–1950 гг. и собранных в работе “El hombre y la gente”, испанский философ рассматривает не только динамическую природу языка, но и речь в ее проекции на отправителя, его коммуникативное намерение и получателя, тем самым предвосхитив научные

¹ Principios de una nueva Filología.

² Axiomática para una nueva Filología.

³ *Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente*, 1964. P. 247.

изыскания крупнейших лингвистов-основоположников теории речевых актов и дискурс-анализа Дж. Остина, Дж. Серля и Т. Ван Дейка. По сути идеи, которые Ортега оформил в виде *Новой лингвистики*, получили развитие в работах лингвистов в рамках таких разделов современного языкознания, как *прагматика* и *лингвистика текста*.

Х. Ортега-и-Гассет предлагает новое видение лингвистики — *Лингвистику Высказывания* (*Nueva Lingüística — Lingüística del Decir*), и сравнивает ее с теорией Соссюра, преодолевая предложенную Соссюром дихотомию синхронического и диахронического подхода к изучению языка. Ортега возражает знаменитому швейцарскому лингвисту: синхронное изучение утопично, потому что язык никогда не бывает неподвижным, и между его уровнями нет строгой синхронности. Философ постоянно подчеркивает: язык — это не факт, а творение, постоянно находящееся в процессе создания нового и исчезновения старого. Диахроническое же исследование недостаточно, поскольку реконструирует лишь языковое настоящее, существовавшее в прошлом. Если лингвистика как наука о естественных языках человека сосредоточена на изучении фонетики, грамматики и лексики, то это предполагает изучение искусственной абстракции под названием «язык». Взгляд Соссюра, по мнению Ортеги, позволяет увидеть лишь кинематографическую картину: в диахронии мы видим «последовательность статических фигур языка, подобно тому, как фильм с неподвижными изображениями порождает видимость движения»: “...sucesión de figuras estáticas del lenguaje, como el *film* con imágenes quietas engendra la ficción visual de un movimiento”⁴.

Следовательно, *кинематографической* лингвистики (*la lingüística cinematográfica* согласно терминологии Ортеги) недостаточно, поскольку она касается только пласта речи (*el estrato del hablar*). Нужна *динамическая* лингвистика, которая сделает понятным сам процесс изменений, в связи с чем Ортега выдвигает следующий тезис: «Изменения — это лишь результат создания и исчезновения, представляющих собой внешний аспект языка; поэтому следует заявить о необходимости изучения его внутренних законов, в котором мы обнаруживаем не результирующие «формы», а сами действующие «силы» [...], силы, порождающие язык»: “Los cambios son sólo resultados del hacerse y deshacerse, son lo externo del lenguaje, y cabe postular una concepción interna de él, en que descubrimos, no ‘formas’ resultantes, sino las ‘fuerzas’ mismas operantes [...], las potencias genitricas del lenguaje”⁵.

⁴ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente, 1964. P. 251.

⁵ *Ibidem.*

Однако созерцание существующих языков, наблюдение за изменениями, происходящими в них с течением времени, также ограничивает видение исследователя. В связи с этим, по словам Ортеги, лингвистике необходимо перейти от масштабного фокуса к частному и, используя методы лингвистической географии, диалектологии, стилистики и другие, рассматривать язык как совокупность зарождающихся форм и значений, которым требуется найти объяснение. В рамках данной исследовательской парадигмы Ортега предлагает исходить из следующих позиций: 1) слово изначально является средством невыразимого; 2) слово является реакцией на ситуацию; 3) слово представляет собой жестовое явление.

Доказывая первый тезис, Ортега утверждает, что лингвистика имеет дело только с вербальными конструктами, но не с мышлением человека, прямо ссылаясь на идею Гумбольдта о том, что грамматика каждого языка оперирует как выраженными, так и невыраженными формами: «... речь как язык в строгом смысле естественно ограничена необходимостью замалчивать многие вещи, то есть их невыразимостью»: “El lenguaje en cuanto lengua sensu stricto está a nativitate limitado por la necesidad de silenciar muchas cosas, por la inefabilidad”⁶.

Вторую позицию Ортега аргументирует тем, что любое слово изначально является вербальной реакцией на типовую жизненную ситуацию. Автор полагает, что истинное значение слова можно определить только исходя из контекста, в котором оно было сказано.

Для объяснения того, *что* говорят люди, следует обратиться к философии языка и искать ответы на вопросы, *как* говорят и *почему* так говорят, исходя из реальной коммуникации, поскольку любое сказанное слово реализует значимое намерение говорящего. Критикуя устаревшие с его точки зрения методы лингвистических исследований, философ утверждает, что слово, взятое вне контекста, без учета намерения говорящего, ни о чем не говорит; чтобы слово могло что-то сказать, должен быть отправитель сообщения и его получатель, ибо словари фиксируют лишь возможные (не более того) значения: “En el diccionario las palabras son posibles significaciones, pero no dicen nada”⁷.

И, наконец, в-третьих, по мнению Ортеги, лингвист должен осознавать, что, оставляя без внимания совокупность жестовых знаков, в первую очередь лица и рук, он изучает лишь фрагментарную языковую реальность: «По своей сути язык представляет собой производство звуковых эффектов, поскольку в нем участвуют гор-

⁶ *Ortega-y-Gasset J.* Comentario al banquete de Platón, 1965. P. 762.

⁷ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente, 1964. P. 237.

танный и ротовой аппарат, неотделимое от общей жестикуляции, в которой участвует все наше тело, и которую, строго говоря, и следует называть “речь”»: “En su raíz y auténtico ser es el lenguaje una gesticulación de efectos sonoros, por intervenir en ella los aparatos laríngeo y bucal, pero que es propiamente inseparable de la gesticulación total, en que interviene todo nuestro cuerpo y que es lo que estrictamente debería llamarse ‘habla’”⁸.

Таким образом, вербальное высказывание соответствует ситуации общения, на которую говорящие реагируют при помощи слов конкретного языка, мимики и жестов. Следовательно, «речь — это система, включающая три компонента: ситуацию — вербальный язык — невербальное общение (мимику/позу/жест)»: “El decir verbal responde a una situación en que están los que hablan, a la cual reaccionan con palabras de la lengua establecida y con gestos corporales de su persona. El lenguaje es, pues, el sistema de estas tres cosas: situación-lengua-gesto”⁹.

При этом Ортега утверждает, что, во-первых, в языке жестикуляционный фактор является первичным по отношению к артикуляционному; и, во-вторых, жесты, которыми человек сопровождает речь, символизируют образ жизни и «непреднамеренное, произвольное предпочтение определенных артикуляционных движений», выражающих характер человека. Устное слово, в отличие от письменного, является манифестацией человека благодаря тембру голоса с его модуляциями; печатное слово, лишённое жестикуляции, будучи оторванным от эмоционального контекста, не отражает реальную действительность. Более того, философ приходит к выводу, что «система звуков каждого языка представляет душу народа»¹⁰.

На основе перечисленных положений Ортега разрабатывает подходы к новой концепции, являющейся фундаментом для всех разделов лингвистики, которую он называет *Теорией Высказывания* (*Teoría del Decir*)¹¹. Высказывание — это более глубокий пласт, подразумевающий нечто большее, нежели речь, и лингвистика должна обратиться непосредственно к этому глубинному слою. Ортега настаивает на том, что объектом лингвистики должен стать именно уровень *высказывания*: «Языки не появились бы, если бы Человек не был по своей сути *Говорящим*, то есть *тем, кому есть что сказать*»: “El decir es un estrato más profundo que el habla, y a ese estrato profundo debe hoy dirigirse la lingüística. No existirían las lenguas

⁸ *Ortega-y-Gasset J.* Comentario al banquete de Platón. 1965. P. 758.

⁹ *Ibid.* P. 781.

¹⁰ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente. 1964. P. 257.

¹¹ *Ibid.* P. 248.

si el Hombre no fuese constitutivamente el Dicente, esto es, el que tiene cosas que decir ...»¹²

Философ рассуждает о социальной и сугубо индивидуальной природе речепроизводства, различая понятия *говорения* (HABLAR) и *высказывания* (DECIR): так, исходя из того, что социальная среда преимущественно действует на индивидов через языковую данность, HABLAR (которое в терминологии Ортеги соответствует речепо-рождению), по сути, есть не что иное, как использование языка, созданного и полученного извне: это «... есть операция, которая начинается в направлении снаружи внутрь. Механически и иррационально полученная извне, она механически и иррационально возвращается наружу»¹³. Таким образом, говорение представляет собой узус, навязанный обществом.

Однако использовать язык — значит не просто говорить на нем, а «изобретать новые способы выражения мысли, поскольку те, которые существуют, больше не удовлетворяют потребности говорящих, их недостаточно, чтобы сказать то, что должно быть сказано»¹⁴, и именно в этот момент рождается потребность в высказывании (т.е. в DECIR). Таким образом, высказывание — это индивидуальное действие, возникающее из желания самовыражения, которое и порождает речь. Однако, рассуждая о природе высказывания, Ортега формулирует два противоположных закона, регулирующих речепо-рождение, поскольку в действительности человек при разговоре или на письме может выразить далеко не всё, что хочет. Язык по своей природе аскетичен и позволяет выразить далеко не всё, именно поэтому в речи всегда будет определенное несоответствие между тем, что имеется в виду, и тем, что говорится на самом деле. Отсюда следует вывод о том, что «каждое высказывание несовершенно, ибо сообщает меньше того, что хочет», и одновременно подразумевает больше, чем предполагает:

“1.a Todo decir es deficiente — dice menos de lo que quiere.

2.a Todo decir es exuberante — da a entender más de lo que se propone”¹⁵.

Эти наблюдения позволили Ортеге установить смысл иерархических отношений между словом, фразой и контекстом. Фраза (FRASE), которую в его понимании можно интерпретировать как словосочетание, является базовой речевой формой и состоит из слов, не функционирующих изолированно друг от друга. Из этого философ делает вывод, что изолированное слово не имеет собственного

¹² Ibid. P. 244–245.

¹³ Ibid. P. 259.

¹⁴ Ibid. P. 248.

¹⁵ *Ortega-y-Gasset J. Comentario al banquete de Platón, 1965. P. 751.*

значения: подобно частям машины, слова приобретают его только в предложении. Контекст же представляет собой динамическое целое, в котором каждая часть (слово и словосочетание) оказывает влияние на другие и наоборот, а человек говорящий всегда отражает конкретные ситуативные обстоятельства через устную речь, воплощенную в звуках и жестах.

В соответствии с данным подходом, согласно которому слова являются словами, только когда они сказаны кем-то и кому-то, анализ языка в отрыве от коммуникативного контекста не имеет смысла. При этом Ортега-и-Гассет признает, что лингвистика должна была начать с выделения основы в виде фонетики, грамматики и словаря как первого шага на пути к познанию языковой реальности: фонетика как область знания о системе артикуляционных навыков в генезисе звуков речи оформилась в рамках лингвистики в XIX в., когда стало понятно, что слово, прежде чем быть услышанным, представляет собой изначальное мускульное движение; грамматика же появилась тогда, когда возникла необходимость проанализировать речевое явление, зафиксированное в письменной форме¹⁶. Критикуя в своей концепции *Новой лингвистики* искусственное разделение языка и речи, автор обосновывает изучение реального языка с учетом его *производства* (то есть того, что впоследствии было названо Якобсоном *коммуникативной ситуацией*), предлагая в качестве объекта исследования речевые формы и значения, чье изучение не должно сводиться к структурализму и трансформационной грамматике, потому что вне коммуникативного контекста слова представляют собой утопические и искусственные фигуры.

Представляя свои воззрения на *Новую лингвистику*, Ортега-и-Гассет говорит также о необходимости учета стилистического и социального факторов при исследовании языковых явлений, а также обязательном рассмотрении проблемы происхождения языка в рамках философского осмысления глоттогенеза. Рассуждая о стилистике, Ортега-и-Гассет утверждает, что устная речь и написанный текст находятся в почти постоянном противоречии с грамматическими правилами и словарными формами, ибо речь заключается в несоблюдении грамматики и нарушении словаря:

«...el habla consiste en faltar a la gramática y exorbitar el diccionario»¹⁷.

При этом данные нарушения рассматриваются им как исключения, в равной степени конституирующие язык, как и сами правила. Данным новым ракурсом рассмотрения реального языка и является стилистика, которая, в отличие от грамматики, привносит в научное

¹⁶ *Ortega-y-Gasset J.* Comentario al banquete de Platón, 1965. P. 759–760.

¹⁷ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente, 1964. P. 242.

изучение то, что сегодня называется *экстралингвистическими* элементами (в терминологии Ортеги-и-Гассета *elementos extra verbales*), а именно: эмоциональное состояние и конкретную ситуацию рече-производства. Это означает, что «стилистика не является ... дополнением к грамматике, а является ... совершенно новой зарождающейся дисциплиной, которая приближает язык к его конкретной реальности...»: “Esto quiere decir que la estilística no es ... un vago añadido a la gramática, sino que es ... toda una nueva lingüística incipiente que se resuelve a tomar el lenguaje más cerca de su concreta realidad”¹⁸.

Ортега считает, что стилистика призвана объединить в одно целое грамматику и лексику, полагая, что язык проявляет свою жизнь через постоянное нарушение нормы, то есть через ошибки, чьи формы и причины и должно изучать данное направление филологической науки. Исходя из этого постулата Ортега выдвигает на первый план два основных явления в задуманной им концепции *Новой филологии* — *метасемию*, под которой он понимает изменения значения слова, и являющуюся ее следствием *полисемию*¹⁹, считая «истинным значением слова — не то, которое оно имеет в слове, а то, которое оно имеет в момент произнесения»²⁰. Таким образом, подлинное значение слова всегда случайно и зависит от ситуации или обстоятельств, в которых оно произносится: “...su significación auténtica es siempre ocasional, que su sentido preciso depende de la situación o circunstancia en que sean dichas”²¹.

Обосновывая тезис о том, что язык в принципе неотделим от целеполагания, философ предлагает рассматривать человеческую жизнь как единство прагматических полей, в которой каждое прагматическое поле имеет языковое (лексико-семантическое) соответствие. По этой причине истинное этимологическое значение слова не может быть обнаружено, если рассматривать его изолированно от намерения говорящего²².

Второе направление, о котором говорит Ортега-и-Гассет, связано с социальным фактором: философ включает сюда этнологический, исторический и географический параметры, определяющие рече-производство. Автор считает, что язык реагирует на все вышеперечисленные обстоятельства, и утверждает, что они дифференцируют не только различные языковые сообщества, но они социальные группы внутри социума: с одной стороны, язык представляет собой систему речевых знаков, благодаря которым индивиды могут понимать друг

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ *Ortega-y-Gasset J. Comentario al banquete de Platón*, 1965. P. 763.

²⁰ *Ortega-y-Gasset J. Del Imperio romano*, 1964. P. 55.

²¹ *Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente*, 1964. P. 245.

²² *Ortega-y-Gasset J. Pasado y porvenir para el hombre actual*, 1965. P. 643.

друга без предварительного соглашения (то есть, выполняет свою социализирующую функцию), а с другой, тот же язык накладывает на своих носителей целый ряд ограничений. По мнению философа, все слова, а также морфологические и синтаксические структуры изначально были индивидуальными изобретениями, приобретшими статус традиционных благодаря солидарному узусу: посредством повторяющихся языковых форм, фиксированных коллективным использованием, можно сказать лишь то, что знают все; однако, при создании нового слова для названия новой вещи требуется творчество, поскольку человек еще должен найти способ выразить желаемое.

Кроме того, будучи социальным по природе, язык имеет символический характер: слово является символом, когда представляет что-то отсутствующее перед взором говорящего. По этой причине имена являются всего лишь ссылками на вещи: «Имя есть форма отношения ... между нашим сознанием и вещами [...]. Слово, по сути, есть предвестие и обещание вещи, ее некоторая часть»: “El nombre es la forma de la relación ... entre nuestra mente y las cosas[...]. La palabra, en efecto, es anuncio y promesa de cosa, es ya un poco la cosa”²³.

Таким образом, слово выступает формой сокрытия вещи, поскольку представляет человеку говорящему лишь ее понятие; отсюда его магический характер, позволяющий вещи находиться одновременно в двух местах — там, где она находится на самом деле, и там, где о ней говорят.

Широкоизвестным стало еще одно утверждение испанского философа, касающееся определения человека, который, будучи членом общества, в то же время, по своей природе, является *этимологическим животным* (*el hombre es un animal etimológico*). Чтобы правильно интерпретировать данное заявление, необходимо принять во внимание, что Ортега понимает этимологию как исторический разум, полагая, что этимология свойственна не только словам, но любому человеческому действию. Отсюда следует его вывод о том, что человек как член общества является *этимологическим животным*, поскольку «вся история есть ничто иное как этимология в широком смысле»: “...tener etimología no es cosa exclusiva ni siquiera peculiar de las palabras, sino que todos los actos humanos la tienen... Las palabras no tienen etimología porque sean palabras, sino porque son usos... el hombre es constitutivamente, por su inexorable destino como miembro de una sociedad, el animal etimológico. Según esto, la historia toda no sería sino una inmensa etimología”²⁴.

²³ *Ortega-y-Gasset J.* Origen y epílogo de la filosofía. 1965. P. 382.

²⁴ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente. 1964. P. 202.

Вышеприведенное умозаключение следует понимать как «человек есть историческое животное», тем более, что для Ортеги повествование, наряду с физическим, математическим и логическим методами, по сути своей есть историческое мышление, единственное способное понять человеческую реальность, данную в историческом контексте.

И, наконец, в рамках третьего направления, о котором размышляет Ортега, поднимая вопрос о происхождении языка, говорится о необходимости философского взгляда на глоттогенез. Его концепция *Новой Лингвистики* основана на поиске объяснения причин, приведших к возникновению языка, поскольку автор исходит из понимания *высказывания* как деятельности, предшествующей речи: высказывание, т.е. желание выразить или заявить что-либо, является функцией, предшествующей говорению. По сути он пытается найти ответ на вопрос: «откуда взялось слово, которое есть плод внутреннего мира человека?» По его мнению, в лингвистических исследованиях очень важно анализировать речевые явления еще до того, как слово было создано и произнесено, то есть, с его истоков, его корней, его происхождения: “Con importar mucho su pasado, importaría más que la lingüística se resolviese a tomar el fenómeno del lenguaje en un estrato más hondo, a saber: antes de estar hecha la palabra, en sus raíces, en sus causas genéticas”²⁵.

При этом необходимо подчеркнуть, что говорение и письмо не находятся в отношении оригинала к копии: письменное выражение не есть простая запись устного, это две различные функции, две разные формы мышления. Ортега рассматривает рождение имени как творческий процесс, когда еще не имеющей словесной формы вещи присваивается определенный вербальный знак (*el vocablo*): на первоначальном этапе между индивидом и вещью еще нет связующих их идей, представлений и слов — человеку еще только предстоит найти способ выразить это. Для того, чтобы найти новое имя, необходимо довериться своим ощущениям и выразить их самому себе. Этот процесс испанский философ называет *поэтической операцией* со словом, представляющим собой «поэтическое имя... которым мы называем вещи, говоря сами с собой, в своей внутренней речи»²⁶.

Основываясь на этом постулате, Ортега вводит понятие *семантической / смысловой деятельности (la actividad semántica)* человека, который, воздействуя на материю, оставляет в ней некий след интенциональности таким образом, что объект реальности, помимо своих собственных неотъемлемых качеств, становится «знаком,

²⁵ Ibid. P. 244.

²⁶ Ibid. P. 384, 386.

символом или признаком человеческого замысла»²⁷. Иными словами, целенаправленную речевую деятельность необходимо рассматривать как сознательно создаваемое человеком материальное произведение, которое становится знаком его намерения.

Помимо речи и письма к сфере *семантического/смыслового творчества* (*obras semánticas*) Ортега относит поэзию, музыку и живопись (и вообще все изобразительные искусства), являющиеся знаковыми и коммуникативными системами. Говоря о речи как о наиболее совершенном инструменте человеческого общения, автор в то же время признает, что это совершенство относительно, хотя в целом человек стремится к тому, чтобы коммуникативная деятельность не требовала дополнительной интерпретации и произносимые слова сразу транслировали свое значение, поскольку посредством общепринятого словарного запаса, навязанного коллективным использованием, можно сказать только то, что знают все. У Ортеги это сказано более красиво: «слово порождается щедрым намерением ... сразу передать свое значение» (*La palabra procede animada por ese generoso propósito ... de entregar, sin más, su sentido*), если оно соотносится с одним понятием²⁸. Все остальные выражения, не отвечающие этому условию, суть «хитросплетения и загадки» (*enigma, intrínquilis y acertijo*)²⁹.

В то же время наряду с явным выражением, т.е. словесным высказыванием, существует немое или скрытое выражение других форм общения, например, в живописи. По мнению Ортеги, в живописи, в отличие от языка и речи, сконцентрированы «страстное желание выразить и решимость хранить молчание»³⁰. Смысл фигур на полотне не заявлен, а скрыт, и поэтому наслаждение от наблюдения живописи происходит от постоянной необходимости ее интерпретации. То же самое происходит и с поэзией, которая также не является речевым продуктом, но «... использует язык как простой материал, чтобы выйти за его пределы и стремится выразить то, что язык, строго говоря, не может сказать»³¹. Создавая свой собственный язык, настоящий поэт является выразителем любого сокровенного чувства, потому что он может дать имя той тайне, которую обычный человек не способен раскрыть: поэзия возникает как новая сила слова, несводимого к тому, чем оно является в действительности. В итоге поэзия начинается там, где заканчивается речевая действительность: “Empieza la poesía donde la eficacia del habla termina”³².

²⁷ *Ortega-y-Gasset J. El hombre y la gente*, 1964. P. 490.

²⁸ *Ibidem*.

²⁹ *Ibid.* P. 500.

³⁰ *Ibid.* P. 492.

³¹ *Ortega-y-Gasset J. Orígenes y epílogo de la filosofía*, 1965. P. 386.

³² *Ortega-y-Gasset J. Velázquez*, 1965. P. 492.

Рассуждая о происхождении языка, Ортега-и-Гассет подчеркивает, что численность народов обусловлена духовными причинами — не биологическими или физическими — и, следовательно, множественность языков также вытекает из духовного разнообразия их носителей. Возникновение цивилизаций и культур является значимым событием, которому невозможно найти простое объяснение, поставив человеческую жизнь в зависимость от географических условий или биологических особенностей. Таким образом, предложенная испанским философом теория рассматривает язык не как присвоенный людьми внешний объект, а как возникшее из проявления духа пространство, постоянно порождаемое мышлением и психическим складом народа: “... la lengua no es nunca sólo *datum*, formas lingüísticas listas, hechas, sino que está, al mismo tiempo, *originándose* constantemente”³³.

В целом размышления Ортеги-и-Гассета о языке, а также разрабатываемые им на протяжении всей творческой жизни концепции *Новой филологии*, *Новой лингвистики* и *Теории Высказывания*, существующие в виде заметок, набросков и статей, свидетельствуют о постоянном интересе философа к проблеме глубинной взаимосвязи языковой и мыслительной деятельности человека. Пристальное внимание Ортеги к коммуникативным категориям языкового сознания, а также способам и особенностям вербального отражения мира, стремление раскрыть специфику языковой адаптации индивида к окружающей реальности и прояснить процессы порождения речи не только являются подтверждением широты взглядов ученого, но и органично дополняют его философские изыскания, посвященные исследованию эвристической деятельности человека во всех формах ее проявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иовенко В.А.* Перевод и его противоречия в статье Хосе Ортеги-и-Гассета «Нищета и блеск перевода» // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 11 (3). С. 87–92.
2. *Загряжкина Т.Ю.* Проблема множественности в языке и культуре, или «лингвистический узел» дискурса современности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 82–97.
3. *Раевская М.М.* Испанский язык в современном историческом контексте: ответы на вызовы XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 109–121.
4. *Устинова Т.В.* Внутренняя форма слова и смыслообразование в поэтической речи (на материале русского и английского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 74–86.

³³ *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente. 1964. P. 249.

5. *Cruz Cruz J.* Ortega ante el lenguaje // Anuario filosófico, 1975. Vol. 8. № 1. P. 69–116. URL: <https://revistas.unav.edu/index.php/anuario-filosofico/article/view/30435/25015> (дата обращения: 16.02.2024).
6. *García Agustín O.* La Teoría del decir: la nueva lingüística según Ortega y Gasset // Cuadernos de Investigación Filológica, 2004. № XXVI. P. 69–80. URL: <https://publicaciones.unirioja.es/ojs/index.php/cif/article/view/2219/2088> (дата обращения: 16.02.2024).
7. *Miranda Bascope Ch.* Hacia una renovada relación con el lenguaje: La idea de concepto en Ortega como puente entre la pura nominación y la enunciación dentro del habla Heideggeriana // Revista Punto Cero, 2022. № 27 (44). P. 26–38. URL: https://www.researchgate.net/publication/362878660_Hacia_una_renovada_relacion_con_el_lenguaje_La_idea_de_concepto_en_Ortega_como_puente_entre_la_pura_nominacion_y_la_enunciacion_dentro_del_habla_Heideggeriana (дата обращения: 18.02.2024).
8. *Ordóñez López P.* La traducción entre la Miseria y el Esplendor: Estudio de la Recepción de la Concepción Orteguiana de la Traducción en el Contexto Traductológico del Español // Scientia Translationis, № 13, 2013. P. 117–131. URL: https://www.academia.edu/3355597/Miseria_y_esplendor_de_la_traducci%C3%B3n_la_influencia_de_Ortega_y_Gasset_en_la_traductolog%C3%ADa_contempor%C3%A1nea_occidental_Tesis_doctoral (дата обращения: 18.02.2024).
9. *Ortega Arjonilla E.* El legado de Ortega y Gasset a la teoría de la traducción en España // En: Miguel Ángel Vega Cernuda (ed.). *La traducción en torno al 98*. Madrid: Instituto Universitario de Lenguas Modernas y Traductores, 1998. P. 101–116. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/iulmyt/pdf/traduccion_98/11_ortega.pdf (дата обращения: 17.02.2024)
10. *Ortega-y-Gasset J.* Comentario al banquete de Platón // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1965. Vol. IX. P. 747–784. (In Span.)
11. *Ortega-y-Gasset J.* Del Imperio romano // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1964. Vol. VI. P. 47–110. (In Span.)
12. *Ortega-y-Gasset J.* El hombre y la gente // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1964. Vol. VII. P. 71–274. (In Span.)
13. *Ortega-y-Gasset J.* Origen y epílogo de la filosofía // Obras completas. Madrid, 1965. Vol. IX. P. 345–434 (In Span.)
14. *Ortega-y-Gasset J.* Pasado y porvenir para el hombre actual // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1965. Vol. IX. P. 615–748 (In Span.)
15. *Ortega-y-Gasset J.* Velázquez // Obras completas. Madrid: Revista de Occidente, 1965. Vol. VIII. P. 447–661. (In Span.)
16. *San Martín, R.* En torno a Ortega y la gente. Ortega y la Antropología Cultural // Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS), 1998. № 82. P. 73–96. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=759721> (дата обращения: 17.02.2024).

Marina M. Raevskaya

**JOSÉ ORTEGA Y GASSET'S CREATIVE LEGACY:
THINKING ABOUT LANGUAGE**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mraevskaya@gmail.com

Abstract: The study focuses on the works of J. Ortega y Gasset, in which the Spanish philosopher offers a new vision of Linguistics analyzed from the point of view of

Anthropology, Discourse Theory and Philosophy and first presented by him in 1938. Ortega's bibliography contains articles in which he develops ideas relevant to Philological science, objecting to Saussure and criticizing Structuralism as the dominant research paradigm at that time. The subject of the research paper is the J. Ortega y Gasset's ideology about the language and speech nature, formalized in the concepts called *New Linguistics* and *Theory of Utterance*, as well as the author's views on the new approaches to the study of Philology (*New Philology*) and Grammar (*New Grammar*). In his works, the Spanish philosopher examines the dynamic nature of language and speech in its projection onto the speaker and substantiates the need to take into account the communicative intention and the communicative context, thereby anticipating the scientific research of the founders of the Speech Act Theory and Discourse Analysis J. Austin, J. Searle and Teun A. Van Dijk. The article makes an attempt to describe and systematize the main ideas introduced by J. Ortega y Gasset, relevant to such areas of modern Linguistics as Pragmatics and Text Linguistics.

Keywords: Jose Ortega-y-Gasset; philosophy of language; linguopragmatics; new linguistics; theory of utterance

For citation: Raevskaya M.M. (2024) José Ortega y Gasset's Creative Legacy: Thinking about Language. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(27), pp. 170–184. (In Russ.)

About the author: Marina M. Raevskaya — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of the Spanish Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; mraevskaya@gmail.com

REFERENCES

1. Iovenko V.A. 2017. Perevod i ego protivorechiya v stat'e Hose Ortegi-i-Gasseta «Nishcheta i blesk perevoda» [Translation and its contradictions^{SEP} in the article of Jose Ortega y Gasset "The misery and splendour of translation"]. *Linguistics & Polyglot Studies*, no. 11 (3), pp. 87–92. (In Russ.)
2. Zagryazkina T.Yu. 2021. Problema mnozhestvennosti v yazyke i kul'ture, ili "lingvisticheskij uzel" diskursa sovremennosti [The problem of plurality in language and culture, or the "linguistic knot" of modern discourse]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 82–97. (In Russ.)
3. Raevskaya M.M. 2019. Ispanskij yazyk v sovremennom istoricheskom kontekste: otvety na vyzovy XXI v. [Spanish language in modern historical context: responses to the challenges of the 21st century]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 109–121. (In Russ.)
4. Ustinova T.V. 2023. Vnutrennyaya forma slova i smysloobrazovanie v poeticheskoy rechi (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Internal form of the word and meaning formation in poetic speech (based on the material of the Russian and English languages)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 74–86 (In Russ.)
5. Cruz Cruz J. 1975. Ortega ante el lenguaje [Ortega and the Language]. *Anuario filosófico*, 1975, vol. 8, no. 1, pp. 69–116. (In Span.) URL: <https://revistas.unav.edu/index.php/anuario-filosofico/article/view/30435/25015> (accessed: 16.02.2024)
6. García Agustín O. 2004. La Teoría del decir: la nueva lingüística según Ortega y Gasset [The Theory of Saying: the new linguistics according to Ortega y Gasset]. *Cuadernos de Investigación Filológica*, no. XXVI, pp. 69–80. (In Span.) URL:

<https://publicaciones.unirioja.es/ojs/index.php/cif/article/view/2219/2088> (accessed: 16.02.2024)

7. Miranda Bascopé Ch. 2022. Hacia una renovada relación con el lenguaje: La idea de concepto en Ortega como puente entre la pura nominación y la enunciación dentro del habla Heideggeriana [Towards a renewed relationship with language: The idea of concept in Ortega as a bridge between pure nomination and enunciation within Heideggerian speech]. *Revista Punto Cero*, no. 27 (44), pp. 26-38. (In Span.) URL: https://www.researchgate.net/publication/362878660_Hacia_una_renovada_relacion_con_el_lenguaje_La_idea_de_concepto_en_Ortega_como_puente_entre_la_pura_nominacion_y_la_enunciacion_dentro_del_habla_Heideggeriana (accessed: 18.02.2024)
8. Ordóñez López P. 2013. La traducción entre la Miseria y el Esplendor: Estudio de la Recepción de la Concepción Orteguiana de la Traducción en el Contexto Traductológico del Español [Translation between Misery and Splendor: Study of the Reception of the Orteguian Conception of Translation in the Spanish Translation Context]. *Scientia Translationis*, no. 13, pp. 117-131. (In Span.) URL: https://www.academia.edu/3355597/Miseria_y_esplendor_de_la_traducci%C3%B3n_la_influencia_de_Ortega_y_Gasset_en_la_traductolog%C3%ADa_contempor%C3%A1nea_occidental_Tesis_doctoral (accessed: 18.02.2024)
9. Ortega Arjonilla E. 1998. El legado de Ortega y Gasset a la teoría de la traducción en España [The legacy of Ortega y Gasset to translation theory in Spain]. En: Miguel Ángel Vega Cernuda (ed.). *La traducción en torno al 98*. Madrid: Instituto Universitario de Lenguas Modernas y Traductores, pp. 101-116. (In Span.) URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/iulmyt/pdf/traduccion_98/11_ortega.pdf (accessed: 17.02.2024)
10. Ortega-y-Gasset J. 1965. Comentario al banquete de Platón [Commentary on Plato's Symposium]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo IX, pp. 747-784. (In Span.)
11. Ortega-y-Gasset J. 1964. Del Imperio romano [About the Roman Empire]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo VI, pp. 47-110. (In Span.)
12. Ortega-y-Gasset J. 1964. El hombre y la gente [The man and the people]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo VII, pp. 71-274. (In Span.)
13. Ortega-y-Gasset J. 1965. Origen y epílogo de la filosofía [Origin and epilogue of philosophy]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo IX, pp. 345-434 (In Span.)
14. Ortega-y-Gasset J. 1965. Pasado y porvenir para el hombre actual [Past and future for today's man]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo IX, pp. 615-748 (In Span.)
15. Ortega-y-Gasset J. 1965. Velázquez [Velázquez]. *Obras completas*. Madrid: Revista de Occidente, tomo VIII, pp. 447-661. (In Span.)
16. San Martín, R. 1998. En torno a Ortega y la gente. Ortega y la Antropología Cultural [Around Ortega and the people. Ortega and Cultural Anthropology]. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS)*, no. 82, pp. 73-96. (In Span.) URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=759721> (In Spanish) (accessed: 17.02.2024)

Статья поступила в редакцию 04.03.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2024;
принята к публикации 08.04.2024;

The article was submitted 04.03.2024;
approved after reviewing 20.03.2024;
accepted for publication 08.04.2024